

Ольга Ларионова

ФОРМУЛА КОНТАКТА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Л 25

Составление Александра Гузмана
Оформление обложки Егора Саламашенко

Ларионова О.

Л 25 Формула контакта : повести, рассказы / Ольга Ларионова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 896 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28891-1

Ленинградская школа фантастики дала жанру многие славные имена. Борис Стругацкий, Георгий Мартынов, Илья Варшавский, Вадим Шефнер, Александр Шалимов... Но одно из них действительно стоит наособицу, и не потому, что обладательница его — женщина. Ольга Ларионова в середине шестидесятых засветилась вдруг на фантастическом небосводе настолько ярко, что мгновенно обрела огромный круг почитателей. «Леопард с вершины Килиманджаро», мы говорим о нем — о романе, который, по мнению сетевых экспертов, «не просто считается одной из лучших книг Ларионовой, — пожалуй, его смело можно занести в сокровищницу мировой фантастики. Будь писательница американкой, премии „Хьюго“ или „Небьюла“ (а может быть, даже обе) ей бы наверняка достались». Издавали ее нечасто, но почти каждое из выходивших в те скудные на фантастику времена (шестидесятые — восьмидесятые годы) произведений писательницы было прямым попаданием в цель — то есть в сердца читателей.

Перед вами третий, заключительный том практически полного собрания сочинений писательницы (не включены главы из романов-буриме коллективных авторов, печатавшиеся в журнальной периодике, и заявленный, но так и не оформившийся роман — продолжение цикла о Венценосном крæге).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

© О. Н. Ларионова (наследник), 2025
© А. Б. Гузман, составление, 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28891-1

ФОРМУЛА КОНТАКТА

Повесть

Город спал дурманным, жадным сном, как можно спать только в последние мгновения перед насильственным пробуждением; спал так, как вот уже много столетий спали все города этой несчастной, едва родившейся и уже угасающей разумной жизни.

Впрочем, нет — двое уже бодрствовали. Один — вот ему бы спать да спать, благо выше его в городе никого не было, да и быть не могло; но свалилась на город напасть, хотя, может, и не напасть, а благо, только поменьше бы таких благ, с которыми не ведаешь, что и делать, — и вот не идет предрассветный сон, подымает зудящая тревога с постели намягчайшей, гонит по закоулкам громадного Храмовища, неприступной стеной окольцевавшего всю плоскую вершину городского храма. Сойдясь к востоку, эти стены стискивали с двух сторон глухую каменную глыбу, сложенную из серого плитняка, — Закрытый Дом, обиталище жрецов, именуемых в народе Неусыпными. По торжественным церемониям их надлежало титуловать и еще пышнее — Возглашающие Волю Спящих Богов. Спали Неусыпные истово, самозабвенно, так что храп нечестивый летел через все Храмовище и достигал черных смоляных ступеней зловещей пирамиды, вписавшейся в стенное кольцо со стороны заката. Но не далее — ни звука не перелетало ни через слепые стены, ни через Уступы Молений, липкие от жертвенной копоты. И Закрытый Дом не выпускал ни стоны, ни шороха — снаружи он напоминал исполинскую бочку, которую только расшатать — и покатится с пологого холма вниз, на город, круша хрупкие строения и подминая сады.

Время от времени подрагивали, натягиваясь, тугие канаты, идущие поверх стен из Храмовища вниз, в городскую чернь садов, набухших ночью влагой, — но рано еще было, хотя край неба на вос-

ходе заяснился. А вот арыкам, выбегающим из каменных жерл через равные промежутки где из-под стен, а где и из-под страшных Уступов, не было определено времени ни для сна, ни для бодрствования — журчали себе едва слышимо и днем и ночью.

Край дальних гор, хорошо видный отсюда, из открытой галереи, затеплился золотой каемкой. Первый из идущих придержал шаг, засмотревшись, и второй тоже был вынужден остановиться в тесном проходе. Вот сейчас заблажит, зайдется: мол, рассвет проспали, и обратно же звонобой нерадивый виноват, а ведь самому лишь бы от зудящих мыслей отвлечься, на кого ни попало желчь ночную выбрызгать. И верно, завелся старец:

— Гнида подзаборная!.. Курдюк шелудивый!.. Ох, грехи наши сокоупные... — Через каждые три-четыре шага Восгисп останавливался, закидывал за плечи непомерно отращенную левую руку и растирал позвоночник шершавой волосатой ладонью.

В такие минуты лопатки его убирались куда-то, хотя поместиться внутри такого тщедушного тельца они никак не могли и неминуемо должны были бы выпереть наружу спереди. Выпрямившись, он доставал Уготаспу до подбородка, но когда снова сгибался, то был ему уже ниже груди, и чудовищные лопатки снова выпирали из-под наплечника, и тогда Уготаспу казалось, что верховный жрец вот-вот захлопает этими лопатками, совсем как делают это невиданные звери — угольный и золотой — в обители Нездешних Богов.

— У, выползок навозный! — Голос старца сорвался на визг. — Рассвет воссиял, а он распустил брюхо над передником, точно кровица беременная! Пшел звонить!

Уготасп и сам знал, что надо идти, но ведь без дозволения старейшего не обгонишь. А он чешется на каждом шагу. И беснуется с прошлого вечера. Вот и терпи его, пока он не скукожится совсем, что не подняться будет.

Он подтянул живот и постарался протиснуться между стеной и Восгиспом так, чтобы не задеть ни того ни другого. Не получилось — мазнул спиной по стене, благо она давным-давно не белена. Но старец улучил-таки момент, лягнул его острой пяткой в голень. Уготасп припустил по коридору иноходью, вынося вперед не только ногу, но и плечо, руку и даже бок. Так вот, пританцовывая, но не от излишней резвости — куда уж там, при таком брюхе! — а едино чтоб согреться, пересек храмовый двор, весь застроенный, засаженный купами кустов плодоносных, рассеченный ребристыми трубами, несущими в себе воду арыков. Пробегая мимо водоема, успел

плюнуть на водоросль и, кряхтя и печатая сырые шлепки потных с ночи косолапых ступней, вознес тучное тело по круговой лестнице на верхушку утренней звонницы. Сорок тугих крученых веревок сходились к ее островерхой крыше и, проскользнув через сорок воощенных отверстий, свисали вниз, стянутые там одним заскоружлым узлом. Узел недвижно млел над широким мелким колодцем. Уготасп опасливо приблизился к самому краю: дыра была ничем не ограждена, а края покаты — сглажены многолетним топтанием в ожидании рассвета. Подавляя ежеутреннее томление, в котором он даже перед собой не признавал недостойного страха, толстяк подтянул к себе узел и неторопливо разобрал веревки на два почти равных пучка. Еще немного он постоял, щурясь на убегающие вдаль однообразные черепичные крыши, сбрызнутые доброй крупной росой; затем, как всегда, подивился, что изрядный кус пока еще блеклого солнца успел-таки протиснуться между темным грибом последней крыши и купой бобовых деревьев, и, зажмурившись, прыгнул в круглую дыру, разводя пучки веревок в стороны и налегая на узел грудью.

Гулкий певучий удар наполнил пробудным звоном все внутренние дворы, помещения и закоулки Храмовища, и, пока он еще отдавался каркающим эхом в каменных галереях, Уготасп мягко спланировал на дно колодца, щедро устланное свежим сеном. Он разжал руки, и веревочный узел стремительно унесся в высоту, и, словно в благодарность за освобождение, со всех сторон разом откликнулось сорок звонких «нечестивцев» — в каждом из сорока домов первого ряда, опасливо подступивших к священным стенам, уступам и воротам необозримого храмового массива.

Если первый аккорд был единозвучен и приятен на слух, то все последующее всегда производило на Уготаспа удручающее впечатление. Услышав звон своего «нечестивца», хозяин каждого из ближайших к храму домов спешил нащупать конец веревки, свисавшей с потолка его спальни. Веревка натягивалась, громохал колокол в следующем доме, подымая главу семьи и заставляя его спросонок ловить пустоту над кроватью слабой старческой рукой. Вот и выходило, что второй круг уже не отзывался столь дружно, как первый, и сигналы пробуждения летели все дальше вдоль улиц, разбегающихся от Закрытого Дома, становясь все беспорядочнее и неблагозвучнее. Шагах в пятистах вниз от Храмовища ютились сквернорукие гончары, ткачи, землерои, плодоносы и просто таскуны — голытьба, одним словом; там вместо колокола вешалась гроздь выдолб-

ленных пальмовых орехов, хорошо прокаленных и смазанных для звонкости белком змеиных яиц. Такая гигантская погремушка производила невероятный шум, слагающийся из щелканья, клцанья и треска.

Уготасп еще некоторое время просидел на охапке сена, дожидаясь, пока стихнет мерзкий грохот, доносящийся с окраин. Вот еще где-то запоздало треснули погремушки, и наконец-то стало тихо. Ни шагов крадущихся, ни шорохов. Грех, конечно, спать после восхода, но ведь сколь сладостно... Уготасп завалился навзничь, поерзал жирной спиной, зарываясь поглубже в душистый ворох. Прохладно было, сыровато. Он заворчал в полусне, приращивая себе шерстку подлиннее, засопел. Сны — сладкие, игривые — обступили его разом, путаясь друг с другом, переплетаясь и теснясь гораздо забавнее и прихотливее, чем это бывало ночами. Утреннее солнце, стремительно набирающее жар и силу, начало прогревать стены звонницы, и в укрытии, набитом свежим сеном, сразу стало душно. Духота сдавила горло, рождая прихотливый сонм видений, и первой в этом хороводе явилась ему горная синеухая обезьянка — предел недозволенности...

Немилосердный грохот над самым ухом заставил его вскинуться. Ну, так и есть, барабанили по дверце лаза, через который он выбирался из своего колодца. И производить сей мерзкий шум мог только Чапесп, это убожество, хутородок. Благодать Спящих Богов излилась на отца и мать, когда зачинали они своего первенца, родившегося с сильными и длинными ногами, за что и даровано ему было имя, обрекающее его на почетное, но многотрудное служение Богам, — Уготасп, Угождающий Танцами Спящим. Родители, конечно, могли бы придумать имя и поскромнее, ибо с годами первенец разжирел непомерно и все танцы его сводились к равномерному колыханию складок на животе. А тут еще прежний звонобой переселился в чертоги Спящих Богов, и, дабы не поощрять лености и праздношатания, старейший приспособил его звонарем к храмовому «нечестивцу», благо должность сия требовала именно такой необъятной массы — иначе сорок веревок одновременно не натянешь. Сигать ежеутренне на влажное от росы сено — работа не хлопотливая, но то, что приходилось вставать раньше всех, чтобы не пропустить зари, доводило Уготаспа до иступления.

В надежде передать свой пост младшему брату Уготасп за каждой трапезой ревностно следил за тем, чтобы младшенький, не ровен

час, не получил куска попостнее, и нередко скрепя сердце перекладывал ему на ореховую скорлупу часть своей доли. Чапесп ел покорно и безучастно, а такая еда, без чавканья, без смака, разве она пойдет впрок? Вот и бродил младшенький по храму, не толстый и не тощий, и грамоте вроде обученный, и не приспособленный ни к какому делу, ибо нарекли его, тихонько себе попискивавшего при рождении, — Чарующий Пением Спящих. Голоска тоненького и сладостного ждали. А он так на всю жизнь и остался с писком и меканьем — ничего другого сказать не мог: нем был от рождения, аки гад водяной.

И то сказать, повезло отцу с матерью: немного и к едальне приставить можно, и таскуном в хранилище. А другие уж если худородков производят, то либо с двумя головами, либо без рук, а то и вовсе без кожи — гад на линьке, да и только. И года не проходит, чтобы в храме таких сокровищ два-три не появилось. Поговаривают, правда, что ежели жену из другого семейства взять, то уж худородков точно не будет. Но чужую жену отрабатывать надо, вдвойне спину гнуть. А из собственного дома — это даром. И обычаи все знает, возиться с учением не надо. Нет, хлопотно чужую брать. Детей-то нарожать бабе — раз плюнуть. А худородка — придавить, пока не вырос.

Стук, размеренный, настойчивый, возобновился. Думал — уйдет Чапесп, решив, что нет здесь старшего. Ан нет. Не ушел. Выползай теперь, позорься.

Уготасп на четвереньках выполз через лаз, выпрямился, выбирая солому из рыжей шерсти, густо покрывшей руки. Младший смотрел укоризненно. Уготасп замахнулся, но Чапесп легко и, как всегда, безучастно отклонился, и сырой тяжелый кулак старшего просвистел мимо.

— К отцу сперва или прямо жрать? — буркнул Уготасп.

Младший неопределенно повел головой куда-то влево.

— Что, стряслось еще что-нибудь? Божий пузырь лопнул или у Нездешних Богов рога повыврастали?

Чапесп покачал головой — смиренно так, богобоязненно. Нашел кого бояться — Нездешних! Мало им поклонялись, торжественным ходом все их обиталище обошли, половину всех запасов благовоний стравили... Ноги после того шествия неделю не гнулись. И все ведь даром. Как стояла стена незыблемая, невидимая, так и осталась. Не снизошли боги. Слова не молвили.

Тогда, на первом же святожарище, когда перед Уступами Молений собрался весь город, наивысочайший Восгисп, глаз и око Спящих Богов, во всеуслышание объявил: те, что обитают за стеной прозрачной и нерушимой, есть небесные гости. Так вот и понимай — гости. Вроде бы и Боги, но не совсем. И потом, что есть гости? Гость — он приходящ и уходящ. Значит, надо надеяться...

Нет, что и говорить — мудр был Восгисп, наипервейший из Неусыпных. Не каждый бы так посмел. Хотя и стар до дитячьей придурковатости, хоть и брызжет слюной, как ядом, и от немощи своих лет на ветру шатается и от духа жертвенного с Уступов падает, едва ловить успевают, — да, видно, и вправду доходит до его слуха по ночам мудрый шепот Спящих Богов. Так что поутру вещает он всему народу Божью волю, Неусыпным на радость, народу подлому — на покорство. А то всколыхнулись уже, нездешних гостей завидя, нашептывать стали, сказки да предания припоминать — было-де предсказание, что явятся Боги воочью, пробудит их небесный «нечестивец» и пойдет с того новый порядок жизненный.

Только смутное это пророчество, понимай его как хочешь. Боги — но какие? Старые, Спящие, которых никто еще на земле не видал, или эти, из прозрачного пузыря? «Нечестивец» небесный — и вовсе непонятно что. А порядок новый — к добру ли? По старому порядку он вот младшенького может по ряшке съездить, чтобы вбок не косил, а тот его в ответ — ни боже мой. Хороший порядок, что менять-то? Другое дело, ежели жену можно будет без спросу и выкупа взять, а натешившись, бросить, — вот это да... За такой закон он бы Нездешним Богам в ножки поклонился. Но молчат себе Нездешние, живут в божьем пузыре и уходить не собираются, оттого и беснуется наивысочайший. Ночей не спит.

Младший между тем посматривал искоса, вроде мысли прочитывать тщился. У, немочь бледная, чтоб тебя посеред ночи поросячьим визгом будили! И за что его Восгисп к себе приблизил?

— Ну, пошли, убогий, чуешь — рыбой жареной пахнет?

Младшенький неопределенно кивнул — как-то боком, так что не голова наклонилась к плечу, а плечо подпрыгнуло к уху.

Уготасп поспешно сцепил руки за спиной и принялся массировать пальцы, наращивая твердые плоские ногти — чтобы ловчее косточки выбирать.

На циновках, высланных под зеленой виноградной аркой, двумя рядами, друг напротив друга, чинно восседали Неусыпные. Кув-

шинчики и скорлупки с соусами и приправами, загодя развешанные над циновками, источали пряный, щекочущий ноздри аромат. Конечно, вкуснее всего пахло на правом конце, где сияла солнечным бликом плешь наивысочайшего, но сегодня стоило держаться подалеже от стариков. Уготасп уже собирался было втиснуться где-то посерединке, промеж троюродных, как вдруг до него донесся визгливый голосок старейшего, углядевшего его появление:

— Восемь мешков зерна сгноил!

Ага, продолжался вчерашний скандал, когда у него за постелью обнаружили хоронушку.

— Восемь полных мешков у себя схоронил! А как за стол, так вперед других!

Это замечание явно противоречило действительности, но никто не позволил себе ни возражения, ни усмешки.

— Девки, ему несете? Уполовиньте миску!

Рахитичная тонконожка, бросившаяся было к Уготаспу с полной посудиною, растерянно закрутилась на месте, но ее дернули за нижнюю юбку, и она, плохо соображая, вывалила три четверти золотистой жирной рыбы в миску ближайшего к Восгиспу старика, так что янтарные брызги с чешуею выметнулись снопом. Старцы безразлично отстранились — суета, потеха нечестивому. Да и верховному жрецу негоже было столь пристально разбирать вину звонобоя. Ну, утаил мешки, украл то есть, так ведь восемь мешков. А на святожарище, бывает, наверх волокут десять по восемь, да сала, да рыбы сушеной сколько ворохов... Порченное все, ясное дело, какие ж запасы без порчи? Зато и вонь несусветная, к ночи дым от святожарища на город падет, так до рассвета гул сдавленный — кашляют, хамье, Нечестивого призывают...

— Все восемь мешков на жирном загривке подымеешь, на самую вершину Уступов! — Старейший подавился, его бережно похлопали по спинке, между лопатками. — Потаскун синеухий...

Ага, вот оно что. Донесли-таки.

Отрыгнув рыбью косточку и отерев руки о широкий водяной лист, Восгисп выпрямился и зорким прищуренным оком обозрел сидящих — к кому бы еще половчее прицепиться. Все понимали — не с досады, не с больной спины. Надо ж было свалиться такому чуду невиданному, как эти Боги Нездешние! Вроде и не мешают, тем паче не карают и не одаривают, а беспокойно... В хамье городском непонятие растет.

А уж где непонятие, там и неблюдение. А как блюсти закон, ежели в нем про все есть, а про Нездешних — нет? Страшно. Ведь до тех пор град стоит, пока в нем ничего не меняется. Было же царство могучее — Снежным называлось, там закон не блюли, человеческим умом дела вершили... Страшно кончилось, оголодали, переели друг друга, а уцелевшие живьем замерзли. А может, и не так было, в Снежном царстве ведь никто не побывал.

2

Инебел приоткрыл глаза. Закрыл снова. Сон, только что покинувший его, вернулся уже воспоминанием — невероятным, сладостным, греховным. Беспомощно задрожали губы — память сна ускользала, улетучивалась из сухих трещинок. Взамен, змеясь, разбегалась малая боль. Губы надо было окунуть в освежающую прохладную воду, припасенную с вечера, — не впервой приходил этот сон, и Инебел уже знал, каково будет пробуждение. Память не хранила ни звуков, ни цвета, ни контуров — только прикосновения, от которых лицо горит и губы сводит щемящей болью, точно окунулся в озеро и попал головой в жалящие тенета придонной медузы-стрекишницы.

И руки. Они были слабы и беспомощны от всей огромной нежности и изумления, доставшихся им этой ночью, и от одной мысли, что этими руками надо дотронуться до грубой каменной чаши, натягивались раскаленные струнки от кончиков пальцев до самого сердца.

Ему впервые пришла мысль, что впереди целый день, а такими руками он не сможет не то чтобы работать — травинку сорвать. Он медленно пошевелил пальцами, усилием воли нагнетая в них силу и упругость. Они нехотя теряли ночную чуткость и становились суховатыми и проворными, обретая свое дневное естество. Теперь уже можно было с хрустом сжать их в кулаки и, бережно опершись на локоть, перегнуться со своего ложа к треножнику и окунуть губы в чашу. Но локоть соскользнул с края постели, задел чашу, и Инебел с ужасом увидел, что она наклоняется, выплескивая сонную черную воду, и вот уже падает вниз, на глиняный обожженный пол...

Он успел представить себе гулкое тяжкое краканье раскалывающегося камня, испуганные вскрики сонных братьев и сестер, поспешное шлепанье босых родительских ног...

Холодея от запретности того, что он делает, Инебел задержал чашу у самого пола, сосредоточился, полуприкрыв глаза, и одним усилием воли поднял вверх и чашу, и пролившуюся воду. Чашу, слегка раскачав, опустил прямо в гнездо треножника, а воду еще некоторое время держал на весу, собирая в тугой, холодный шар. Он никогда не переставал удивляться, как это он чувствует пронзительную льдистость и неподатливость этого прозрачного шара, — видно, правду говорят Неусыпные, что каждый предмет на самом-то деле живет, но заморожен Богами, потому люди этой жизни и не видят. Но похоже, что не на все вещи наложено одинаково крепкое заклятье, потому что Инебелу чудится то затрудненное дыхание вянущей на солнце травы, то едва сдерживаемая дрожь ночной воды, зябнувшей в придорожном арыке...

Он бесшумно опустил послушный водяной шар на дно чаши. Благодарно потерся щекой о войлочный кружок, служивший изголовьем, — прощался на долгий день. Потом осторожно спустил ноги на пол. Нет, никого он не разбудил, все спокойно. Он молитвенно прикрыл ладонями глаза и поклонился Спящим Богам. Над постелью, на перекладине, свисавшей с потолка, голубело в предрассветном сумраке новенькое покрывало. Инебел двумя пальцами дернул с рейки почти невесомую ткань, прикрыл ею свое ложе. Крупные алые клетки, делящие кусок ткани на восемь частей, сейчас казались совсем черными. Дневные покрывала простолюдинов просты и безыскусны, они укрывают ложе покоя, столь удобного Спящим Богам, серой или голубой пеленой, что сродни облакам, молчаливо кутающим вершины далеких гор. И лишь за усердие в уроках еженедельных, за смирение перед волею Спящих надзирающий жрец по своей милости мог одарить дом избранника почетным покрывалом, поделенным крест-накрест на четыре части. Сбегаются тогда соседи поглазеть с улицы на милость, дарованную Храмовищем от щедрот своих подземных сокровищниц, и всплескивают руками, дивясь, и подталкивают друг друга, оступаясь в арыки, и летит от двора к двору шепот завистливый. Было, было такое покрывало у отца — давно только, истлело уже, пошло малышам на одежду. И у дяди Чиру, если не хвастает, тоже было.

А за особое тщание да искусность в сотворении дара Храмовищу одевают жрецы и шестиклеточным покрывалом, только в семье Инебела такого не бывало от веку. Потому и ахнула вся улица, когда однажды целая вереница жрецов приблизилась к дому красиль-

пчиков, вознеся над головами высшую награду — восьмиклещный покров! Славил население низких окраин счастливую семью, светились от радости лица отца и матери, породивших великого искусника, и только сам Инебел не светел был, не радостен. Не покров почетного ждал он себе в награду.

Тогда ему надо было совсем другое.

Тогда...

Он быстро оделся, обернув вокруг бедер кусок полосатой застиранной ткани, набросил наплечник и головной платок. Из общей спальни, которая была центральным помещением дома, можно было выбраться только через одну из многочисленных семейных клетушек, окружавших центр. Стен в доме не было — не едальня же, в которой надо прятать низменное обжорство. Нетолстые стволы «каменного» дерева были вкопаны в землю, образуя шестнадцатигульную колоннаду. Между колонн висели двойные плотные циновки, поднимающиеся на день. Инебел отогнул угол одной из циновок и попал в клетушку тетюшки Синь. Они всегда бегали через эту клетушку. Когда Инебел родился, тетюшка уже вдовела, и притом безнадежно: из своей семьи никто в мужья ей не подошел, а из чужих семей кто бы расщедрился на выкуп за старуху, пусть даже в работе проворную и с детишками ласковую. Вот и осталась Синь одна. По правилам ее надо было бы переселить в общую спальню, где отдыхали малые да беспарные, но в дому, во-первых, пустовало несколько закутков поплосше, а главное — тетка во сне стонала, охала — по поверью, вызывала тем Нечестивого; опасались, что накличет одну из многих ночных бед на маленьких.

Вот и сейчас тетюшка Синь лежала тихо, но только притворялась, что спит. Инебел знал это наверняка, и все же молитвенно прикрыл на ходу глаза, поклонился — ничего не должно быть священнее, чем почитание спящих.

И в тот же миг цепкие коготки ухватили его за локоть. Сухонькая старушечья рука была тверда и горяча, — вероятно, Синь не спала уже несколько часов и, поджидая его, копила силу и цепкость.

— Не ходи к «паучьему колоколу», сынок; что про тебя — от того напьешься, а что не про тебя — от того загорись...

Невидимый голосок шелестел, словно струйка сухого зерна. Инебел гадливо встряхнулся, пытаясь освободиться и от этого голоса, и от вцепившейся в него когтистой лапки... Не получилось. Пять костяных крючков держали его будь здоров.

Отвечать вслух он не решился, звонкость и сила собственного голоса были ему хорошо известны. Он вспомнил излюбленный прием, которым пользовался в подобных ситуациях еще совсем недавно, в уличных потасовках с соседскими ребятами: напряг мышцы на сгибе руки и заставил подкожный жир проступить через поры. И помогло — жесткие костяные крючки беспомощно заскребли, защелкали, сорвались. Он рванул на себя край наружной жесткой цинковки и, перескочив через низкую завалинку, очутился во дворе.

— Не ходи... — то ли донеслось, то ли почудилось сзади, из темноты ночного дома.

Предутреннее небо было пепельно-розовым в стороне Чертога Восхода, а над лесом и ближе к горам — чернильно-лиловым. Поздно он проснулся, поздно. Инебел несколько раз присел, нагоняя силу в икры, потом на цыпочках подобрался к воротам, чтобы гулкие удары босых пяток по обожженным плиткам не подняли кого-нибудь раньше, чем это сделает «нечестивец». На всякий случай снял со столба свою выкупную бирку и надел ее себе на шею. Вскочил на улицу.

Тонкая уличная пыль казалась теплой и ласковой; черные арыки неусыпно ворковали под бесчисленными мостками, перекинутыми от каждого двора. Под мостками шипело, пробуждаясь, придорожное несъедобное гады. Инебел бежал легкими широкими скачками, бирка била его по ребрам, и удары упругих подошв о дорожку были бесшумны. Он бежал вдоль бесконечных глиняных оград, расписанных его дедом, и его отцом, и им самим, и, если бы он пригляделся, он отличил бы собственную работу, но сейчас ему было не до того, и во всем теле пока не было ничего по-настоящему пробудившегося, кроме ритмично сгибающихся и разгибающихся горячих ног, и он думал только о них, и от этого они работали все четче, все мощнее, и он уже летел, как волна пыли и листвы во время урагана, а небо все наливалось розовым свеченьем, и он не позволял себе смотреть вперед, а только под ноги, только на розовеющую дорожку, стиснутую низкими пестрыми стенами, пока эти стены не кончились, и тогда он выбросил руки вперед, словно упираясь в невидимую стену, и замер, и вскинул голову.

И тогда проснулись его глаза, и гулко, словно серебряный «нечестивец», ударило в груди пробудившееся сердце.

Громадное и невесомое, наполненное пепельным сонным туманом, высылось перед ним обиталище Нездешних Богов.

«Первые петухи, — подумала Кшися, взглядываясь в беззвездную черноту непривычного неба. — А если — не первые?»

Она закинула руки за голову, стараясь нащупать кнопочку ночника, но костяшки пальцев дробно и больно проехали по ребристой поверхности переборки.

— Мм?.. — сонно спросили из-за стены.

Она быстро юркнула обратно под одеяло, укрывшись с головой, и уже там, в тепле и уюте, принялась зализывать поцарапанную кожу. Ага, и заноза к тому же. Вот невезуха! И что это сегодня ей вздумалось спать в лоджии? То Васька бессловесный ведрами громыхал, то Магавира никак в свой колодец нацелиться не мог, свистел на малых оборотах, подзалетая и снова присаживаясь, невидимый и пронзительный, словно комар величиной со среднего мастодонта.

И еще будильник она оставила в комнате, на полочке возле кровати. Вот и спи теперь вполглаза, по-птичьи, чтобы успеть засветло вскочить, привести себя в порядок и быть внизу раньше Гамалея. Ну вот, ко всем ночным кошмарам еще и Гамалей! Припомнился — как дорогу перебежал. От этого имени Кшися взвилась, спрыгнула на холодный крашеный пол и босиком зашлепала в комнату. Будильник нашла по тиканью, вытащила на балкон и, забравшись снова в постель, долго пристраивала его на полу, примериваясь так, чтобы на первой же секунде звона успеть нажать выключатель. Но когда все эти предрассветные хлопоты, казалось, приблизились к своему завершению, Кшися вдруг почувствовала зудящий двухсотвольтовый укол в левую ладонь. Она взвизгнула и отчаянно затрясла рукой, стряхивая вцепившегося в нее зверя. Зверь был еще тот — исполинских размеров куриная блоха. Ну, добро бы на скотном дворе, ну, на кухне, — но здесь, на четвертом этаже... Вот напасть-то, вот навалилось!..

Она забилась под одеяло, чувствуя, как ладонь наливается горячим пульсирующим зудом. Теперь о сне нечего было и думать. Оставалось только ворочаться с боку на бок да баюкать левую руку, постоянно подтягивая и подбирая соскальзывающее одеяло, и горестно перебирать все мелкие неудачи и разочарования ее неземного бытия. И постоянно спать хочется. И с последней почтой мама не прислала заказанный сарафан. И голубой котенок Мафусаил окончательно переселился к Макасе. И Гамалей, искоса погляды-

вая на ее опыты по акклиматизации бататов, только посмеивается, но указаний не дает — самостоятельность воспитывает.

И во что же выливается эта самостоятельность? Пока — в ежедневное копанье в жирной, кишащей розоватыми червяками земле. Правда, она придумала выход: посылала бессловесного Ваську вскапывать грядку, а затем огораживала вскопанное переносным барьером и загоняла туда полтора десятка обстоятельных, неторопливых плимутроков. Сосредоточенно прижимая к бокам тяжелые куцые крылья, они делали свое дело без мелочной и склочной суеты загорских пеструшек и уж тем более без похотливых танцев, учиняемых исполинским бронзовым бентамом скорее из склонности к тунеядству, нежели из сластолюбивых соображений. Часа через полтора червяков не оставалось, и Кшися могла спокойно подравнивать в меру загаженную грядку, не опасаясь сорваться на визг. Для студентки-отличницы сельскохозяйственного колледжа ее реакция на местную фауну была, мягко говоря, нестандартной.

Мягко говоря.

Вот эта-то неистребимая мягкость Гамалея и поражала Кшисю более всего, раздражая и сбивая с толку. Любой начальник биосектора на его месте рвал бы и метал, получив вместо опытного, матерого экспедиционника такую вот неприспособленную, едва оперившуюся дипломантку, совместными усилиями счастливой судьбы и злого рока заброшенную сюда на преддипломную практику. Всей чуткой, хотя и взмокшей, спиной, по шестнадцать часов согнутой то над грядками, то над пробирками, Кшися чувствовала скептический взгляд Гамалея и после каждого его шумного вздоха ждала неминуемой фразы, обращенной к Абоянцеву: «Да уберите же наконец от меня эту белобрысую дуру!»

Но он только вздыхал, захлебываясь стоячим воздухом, некоторое время переминался с ноги на ногу, а затем безнадежно махал рукой — Кшися всей спиной чувствовала, как рассекает воздух его волосатая тяжелая лапища, — и бросал свое традиционное: «Действо невразумительное, но с непривычки сойдет».

Кшисю, стойко занимавшую на своем курсе место в первой тройке по ксенобиологии, таковая оценка несказанно возмущала, тем более что работала она строго по канонам любимой дисциплины, словно выполняла лабораторное задание.

И не только в Гамалее было дело. Коллектив экспедиции при всей своей малочисленности был удивительно пестрым — и по про-

фессиям, и по характерам, и по внешности, и тем более по возрастам. Так и задумывалось.

Но вот быть в такой группе самой младшей — это ей показалось приятным только в первый день. Затем надоело. Все приставали с советами, предлагали непрошеную помощь, установили режим эдакой сожальной опеки... Ох, до чего ладонь чешется! Это бентам, паршивец, блох развел, сам на здешних хлебах вымахал крупнее любого индюка, а уж блохи, те акселерируют в геометрической прогрессии. Предлагал Меткаф его съесть еще на прошлой неделе — пожалели за экстерьер. Уж очень смотрится, бездельник. Пожертвовали превосходную несушку, три рябеньких перышка Йох себе на тирольскую шляпу приспособил. Жалко рябу... Все жалко, все мерзко, домой хочется...

Осторожно цокая деревянными сандалиями, кто-то спускался по внешней винтовой лестнице. За парашютом лоджии что-то смутно означилось в темноте и тут же осело вниз, словно пенка на молоке. Ага, Макася уже встала и спускается к бассейну. Худо быть безобразенькой, вот и купаться она ходит, пока темно, для нее Васька после первых петухов подогрев в бассейне включает. А загорать ей и вовсе некогда, она по ночам едва-едва успевает понежиться под кварцевой лампой. И когда только спит?

Все равно лучше быть безобразенькой, чем такой непригодной, как она. В колледже она считалась даже хорошенькой, а здесь никому и в голову не приходит посмотреть на нее как на девушку. Работа, работа, работа. Делянка, скотный двор, кухня. И ни комушеньки она не нужна.

Обиды были все перечтены, а петухов так и не было слышно. Совсем ошатели бедные птицы с этими двадцатисемичасовыми сутками. Бентам и совсем не способен был на самостоятельные действия — только подхватывал. Плимутрок изо всех сил старался сохранять должные интервалы между припадками пенья, но сбивался, день ото дня опаздывал все больше и больше. А, вот и он. Боцманский баритон, как утверждает Йох. Бентам такой жирный и здоровый, а орет фальцетом и с каждым днем берет все выше и выше. Ну, вот уже и дошли до исступления, стараясь перекричать друг друга, словно Гамалей с Меткафом, когда сталкиваются в колодце. Когда они так неистово заводятся, это минут на пятнадцать-двадцать. Перебудят всех. Вставать надо, дежурная ведь...

Она свернулась в клубочек, подтянув коленки к самому подбородку, ловя остатки ночной дремы и теплоты. «Ну, еще одну мину-

точку», — говорила она себе. Проходила минута, и еще, и еще. До слез не хотелось выбираться наружу, в это всеобщее прохладное снисхождение, в это равновеликое равнодушие... И главное, она даже самой себе не могла признаться, чье безразличие она хотела бы пробить в первую очередь. Между тем проходила уже по крайней мере десятая «последняя минутка», а Кшися так и не высунула даже кончика носа из-под байкового полосатого одеяла. Уж очень то-скливые мысли лезли в голову последний час — мелочные, не утренние. Такие бодрому подъему не способствуют. И вдруг... Ежки-матрешки! Да как она могла забыть?..

Она спрыгнула на пол, точно попав узенькими босыми ступнями прямо в пушистые тапочки, и заплясала по лоджии, отыскивая разбросанные где попало махровый халатик, полотенце и шапочку. Она же столько дней ждала этого — свою «Глорию Дей»! И сегодня должно было расцвести это бархатистое чайное чудо, чуть тронутое по краям ненавязчивым, едва проступающим кармином... Этот крошечный кустик стоил места под солнцем четырем капустным кочнам, и право на его существование Кшися отвоевывала с героизмом камикадзе и настойчивостью чеховской Мерчуткиной.

Это был не просто бой за красоту, как определил эту ситуацию Абоянцев, под личную ответственность разрешивший доставку незапланированного розового кустика. На самом деле Кшисе необходимо было живое существо, принадлежащее ей и только ей. И вот сегодня огромный тугой бутон должен был раскрыться...

Между тем жемчужно-серый круг неземного неба, точно очерченный исполинским цилиндром защитного поля, замкнувшего жилище землян совокупно со всеми прилегающими бассейнами, стадионами и огородами, высветился с левой стороны. Там, за непрозрачной изнутри силовой стеной, встало невидимое отсюда солнце. Кшися задрала вверх остренький лукавый подбородок, который Гамалей почему-то называл «флорентийским», и попыталась уловить шум просыпающегося города, укрытого непроницаемой дымкой. Через край защитного цилиндра высотой в добрых пятнадцать этажей вроде бы переливался какой-то гул, абсолютно варварский в своей хаотичности. Она не раз морщилась, прослушивая утреннюю какофонию сотен разноразных погремушек, записанную на пленку, но вот в натуре она ни разу не слышала этой ни с чем не сравнимой побудки. А может, она звучала раньше, чем будильник.

Кшися прищурилась, пытаясь на глаз определить, намного ли понизился за ночь уровень защиты. Нет, и этого она уловить не мог-

ла. Но раз уж начала думать о том, что лежит за пределами ее гнездышка, значит проснулась окончательно. «Вставай, вставай, неженка», — сказала она себе.

Она присела на постели и, приподнимая одной рукой тяжеленный узел волос, полезла другой под подушку — за шпильками. При этом ладошка с неопавшей свежей опухолью больно проехала по чему-то влажному и колючему — ах, и везет же ей сегодня с самого утра! Она резко наклонилась и чуть не ткнулась носом в большой полураспустившийся цветок, лежащий рядом с ее подушкой.

В сероватом влажном полумраке, наполнявшем лоджию, трудно было точно определить цвет, но алые края лепестков означились безошибочно и безжалостно. Получи, мол, с первыми солнечными лучами. Скандалила, с Большой Земли этот кустик полудохлый затребовала — вот и радуйся. И чем скорее, тем лучше. Срезали и принесли, как говорится, на тарелочке с голубой каемочкой — на!

Она схватилась прямо за шипы с несбыточной надеждой — а может, выдернули с корешками? Нет. И стебель еще совсем свеж на измочаленном изломе. Консервированные цветы — тюльпаны, орхидеи — доставлялись сюда не единожды, хотя бы по заказам Сирин, но кому они нужны? Отличить их от естественных, только что срезанных, было делом нехитрым, особенно для любителя. А живые цветы Кшися любила самозабвенно. Дай ей волю — все пространство вокруг Колизея засеяла бы маками и резедой. Вот и этого цветка она ждала, как ждут прихода Нового года или дня рождения... Кшися вдруг поймала себя на том, что внутренне она уже приняла случившееся, почти примирилась со всей нелепостью и жестокостью происшедшего — ну да, для всех ее затея с чахлым кустиком была забавой: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А она здесь именно на роли дежурного дитяти. Ребенка поместить в такие условия невозможно, вот и взяли ее как максимально приближенную к детскому уровню. Так что если даже сейчас она разревется — это никого не пугает. Естественная детская реакция. В сочетании с хрупкой фигуркой и громадными голубыми глазами — очень даже смотрится. Сейчас ей будут носик вытирать...

Внутри словно какая-то пружинка выпрямилась — Кшися схватила колючий стебель, вылетела на площадку внешней лестницы и помчалась вниз, искренне жалея, что на ней бесшумные тапочки, а не сандалии на деревянном ходу. И пусть вскакивают! И пусть недосыпают! Чтоб им всем!.. Чтоб их всех!..

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЛАРИОНОВА
ФОРМУЛА КОНТАКТА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.04.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-36639-01-R